

Фурцев Роман Витальевич

ПОХОД КАРЛА VIII В ИТАЛИЮ И СОЗДАНИЕ АНТИФРАНЦУЗСКОЙ КОАЛИЦИИ

В статье анализируются начальная фаза Итальянских войн, вызванных вторжением французских войск на Апеннинский полуостров и повлекших за собой радикальное изменение политического ландшафта в Италии, и попытки итальянских государств, опираясь на союз с империей и Испанией, создать антифранцузскую лигу для отражения интервенции. Подробно исследованы политика Максимилиана I и позиция имперских сословий по вопросу оказания помощи итальянским государствам.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/9-1/48.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 9 (23): в 2-х ч. Ч. I. С. 182-186. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

7. Масанов Н. Э., Абылхожин Ж. Б., Ерофеева И. В. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 296 с.
8. Материалы по истории Казахской ССР / под ред. М. П. Вяткина. М. - Л.: АН СССР, 1940. Т. 1. 536 с.
9. Мұхатова О. Х. Қазақстандағы аграрлық өзгерістер тарихнамасы (XIX ғасырдың соңы – XX ғасыр): тарих ғыл. докт. дисс. авторефераты. Алматы, 1999. 50 б.
10. Сариева Р. Х. Колониальная политика царизма в Казахстане: на примере Тургайской области (1868-1914 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Алматы, 2002. 33 с.
11. Смағұлова С. О. Ұлттық интеллигенция және XIX ғасырдың аяғы мен XX ғасырдың басындағы қазақстандағы аграрлық мәселе: тарих ғыл. канд. дисс. авторефераты. Алматы, 1999. 25 б.
12. Таштемханова Р. М. Переселенческая деревня и ее взаимосвязи с казахским аулом во второй половине XIX – начале XX века (на материалах Семиреченской области): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Алматы, 1994. 28 с.
13. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 4. Оп. 1.
14. ЦГА РК. Ф. 318. Оп. 1.

**ACTUAL PROBLEMS IN RESEARCH OF AGRARIAN RELATIONS IN WESTERN KAZAKHSTAN
OF THE XIXTH – THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY
IN HISTORIOGRAPHY OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN**

Dmitrii Yakovlevich Frizen, Ph. D. in History
*Department of Kazakhstan History and Historical Disciplines
Aktubinsk State Pedagogical Institute
d.friesen@mail.ru*

The author basing on the research of a number of Kazakh scientists' works considers the actual scientific problem related to the study of agrarian relations history in Western Kazakhstan of the XIXth – the beginning of the XXth century, shows the founding principles and methods of the problem research in national historiography, and conducts their structural analysis.

Key words and phrases: agrarian question; historiography; economics; nomadic cattle-breeding; crop farming.

УДК 94(410)

Исторические науки и археология

В статье анализируются начальная фаза Итальянских войн, вызванных вторжением французских войск на Апеннинский полуостров и повлекших за собой радикальное изменение политического ландшафта в Италии, и попытки итальянских государств, опираясь на союз с империей и Испанией, создать антифранцузскую лигу для отражения интервенции. Подробно исследованы политика Максимилиана I и позиция имперских сословий по вопросу оказания помощи итальянским государствам.

Ключевые слова и фразы: империя; политика; Франция; Италия; Максимилиан I; Итальянские войны; Священная лига; Карл VIII.

Роман Витальевич Фурцев, к. ист. н.

Кафедра романской филологии

Московский городской педагогический университет

marinaio0707@rambler.ru

ПОХОД КАРЛА VIII В ИТАЛИЮ И СОЗДАНИЕ АНТИФРАНЦУЗСКОЙ КОАЛИЦИИ[©]

В современных условиях евроинтеграции несомненный интерес вызывает исследование процесса политического становления и развития европейских государств, что неразрывно связано с изучением истории международных отношений на континенте. Конец XV в. стал важным рубежом в истории Европы: на смену Средневековью приходит Новое время. В этот период изменяются границы, формируются новые коалиции, происходит кардинальная перестройка политического ландшафта. Итальянская кампания короля Франции Карла VIII привела к слому старого порядка на Апеннинском полуострове и обусловила вмешательство европейских держав, объединившихся в Венецианской священной лиге для отражения французской интервенции. Этот альянс положил начало политической системе равновесия в Европе [6, S. 45] и конец императорскому универсализму, как бы немецкий король Максимилиан I Габсбург, рьяно придерживавшийся традиционной имперской идеи, ни противился такому развитию событий.

Когда Максимилиан I заключил в Сенли в мае 1493 года долгожданный мир с французами и обратил свой взор на Восток, то он ни в коем случае не намеревался отказываться от имперской Италии. Хотя германский монарх формально и предоставил Карлу VIII свободу действий в отношении Неаполитанского королевства [13, S. 180], он, наверняка, рассчитывал, что уставшие от пятнадцатилетней бургундо-бретонской войны французы предпочтут набраться сил в пределах собственных границ и не станут предпринимать

широкомасштабных акций на полуострове. Кроме того, Максимилиан I надеялся, что его союза с миланским правителем Лодовико Сфорцей вполне хватит для обеспечения имперских прав в Италии во время предстоящей войны с турками.

Однако, когда Карл VIII пересек Альпы, для короля Германии наступил момент прозрения: если он даст французам карт-бланш в Италии, то это будет означать для него отказ от старинных привилегий империи, а возможно, даже потерю императорского достоинства и примата среди христианских государей. Поэтому Максимилиан I, не раздумывая долго, присоединился к Священной лиге – военно-политическому союзу, образованному Венецией, Папой, Испанией и Миланом ради изгнания французов из Италии. Габсбург осознал, что в силу одного лишь императорского авторитета и титула защитника и покровителя Церкви ему не удастся отстоять имперские и папские права на полуострове против такой державы, как Франция, и что для решения этой задачи он будет вынужден разделить свой суверенитет в имперской Италии с другими европейскими государствами. Такое развитие событий было в новинку и, скорее всего, задумывалось монархом только как временная мера, но данное обстоятельство, несомненно, означало также признание им очевидного факта, а именно стремления европейских держав к политике баланса и равноправия. В тот момент Максимилиан I, по-видимому, не видел никакого иного способа: превосходства империи над сильной в военном и экономическом плане Францией можно было добиться лишь с помощью союзников в рамках новой политической системы на континенте. Так называемая «политика равновесия», сложившаяся на Апеннинском полуострове за последние полвека, постепенно распространялась на всю Европу, и глава империи не мог стоять в стороне от этого процесса трансформации международных отношений.

Одним из поводов для французского вмешательства послужили давние противоречия между Миланом и Неаполитанским королевством. Они явились для Лодовико Моро достаточной причиной, чтобы разобраться с неаполитанским королем Ферранте руками французов. Лодовико заключил военный союз с Карлом VIII против Неаполя. В то же время, чтобы гарантировать себе поддержку империи и получить имперские лены на миланской территории, он предложил свою племянницу Бьянку Марию в жены Максимилиану I, пообещав щедрое приданое. Несмотря на низкое происхождение невесты, Габсбург согласился, причем решающую роль сыграли финансовые соображения и переоценка им могущества Сфорцы.

Немецкий король, в свою очередь, надеялся союзом с Миланом обезопасить заальпийские владения империи от французского вторжения. Если он, подписав мир Сенли, явно недооценил серьезность притязаний Карла VIII на Италию, то теперь Габсбург пытался исправить эту дипломатическую ошибку, занимаясь активным поиском союзников и делая все возможное, чтобы защитить имперскую Италию от нападения французов. Внешне он старался придерживаться статей договора Сенли, но французская атака на Неаполитанское королевство была недвусмысленно охарактеризована им как агрессия против империи [2, S. 545]. Не помогли даже заманчивые предложения Карла VIII о передаче германскому монарху континентальных владений Венеции. Максимилиан I непоколебимо следовал своей позиции и намеренно уклонялся от личной встречи с французским королем.

Для Карла VIII оправданием итальянского похода служили старые наследственные притязания Анжуйского дома на Неаполитанское королевство. Немалую роль играли также его романтические фантазии о Карле Великом, о крестовых походах на Восток и, вообще, желание выделиться героическими поступками. Не в последнюю очередь сказывалась и внутренняя динамика развития его государства, которое вышло победителем из Столетней войны и имело сильную боеспособную армию со значительной долей мелких рыцарей, не мыслящих жизни без войны и авантюры. Карл VIII был уверен в нейтралитете империи, рассчитывая, что и другие европейские державы будут сидеть сложа руки и пассивно наблюдать за его действиями в Италии.

В августе 1494 года французская армия вторглась в Пьемонт и оккупировала Асти. Одновременно была начата военно-морская операция против Неаполя. Развитие событий на полуострове тут же оказалось в центре внимания всей Европы. Максимилиан I еще до вступления французов в Ломбардию инвестировал Лодовико Моро имперскими ленами на территории Милана и пожаловал ему герцогский титул, о чем 5 сентября 1494 года была выдана соответствующая грамота [7, S. 483]. Таким образом, монарх взял Милан под свою опеку и подтвердил верховную власть империи над герцогством. В тот момент Габсбург надеялся, что Карл VIII истощит свои силы, увязнув в войне не только с Неаполем, но и Испанией и Венецией, которые выступили резко против итальянских планов правителя Франции. Все это могло повлечь за собой затяжную военную кампанию и взаимное ослабление противников.

Начальная фаза похода Карла VIII, казалось, подтверждала эти расчеты. Французский король из-за болезни надолго застрял в Асти, в то время как противодействие итальянских государств все более возрастало, а Лодовико решился даже на открытый разрыв с Францией и публично заявил о своей поддержке империи и ее правам на полуострове. Однако затем удача вновь улыбнулась французскому монарху, и его войска, не встречая ни малейшего сопротивления, маршем прошли до самой Тосканы. 9 ноября они вступили в Пизу. Несмотря на то, что этот город был старинным имперским леном, на него разом претендовали Милан, Флоренция и Венеция. Правитель Франции же подарил Пизе свободу. 17 ноября его армия достигла Флоренции и торжественно вошла в нее с развевающимися крестоносными знаменами и под благословения Савонаролы [5, p. 483]. Монах-доминиканец лично приветствовал Карла VIII как реформатора Церкви и исполнителя Божьего суда против недостойного Папы. Власть Медичи была свергнута, и республиканцы чествовали короля Франции как избавителя от тирании. А между тем военно-политические успехи Карла VIII в Италии вызвали немалую тревогу среди европейских государств. В Венеции начались консультации послов заинтересованных держав по вопросу о том, как остановить интервенцию и затем полностью изгнать французов с полуострова.

Стараясь развеять надвигающуюся бурю, Карл VIII во Флоренции издал адресованный всему христианскому миру манифест о начале крестового похода против турок [9, S. 136]. Однако такая неуклюжая попытка отвлечь внимание европейцев от событий в Италии лишь усугубила ситуацию, так как Папа и глава империи восприняли эту инициативу как явное вмешательство в их прерогативы. Александр VI официально обратился за помощью к Максимилиану I, заявив, что французский король посягает на права Церкви, имперские владения и императорскую корону. Начался процесс политического сближения Святого престола и главы империи на почве отражения общей угрозы.

На основании имеющихся источников нельзя достоверно определить, кто являлся подлинным организатором тайных переговоров в Венеции. Должно быть, забота о сохранении политического баланса сил в Европе сама собой подталкивала заинтересованные страны к единению, хотя их мотивы зачастую различались. Максимилиан I был принципиально против итальянского похода Карла VIII, поэтому еще прежде, чем французская армия перешла Альпы, он уже заранее пытался договориться о союзе с испанцами. Папа боялся и ненавидел короля Франции, который постоянно угрожал понтифику свержением с престола и проведением церковной реформы и, кроме того, пригласил к своему двору многих врагов Александра VI. Лодовико хоть формально и призвал французам на полуостров, но вскоре отмежевался от них и предпочел альянс с империей.

Но самым ярким противником Франции была Испания, открыто выступившая против французских завоеваний в Италии. Испанцы первыми бросили вызов Карлу VIII [8, S. 114]. К тому же они старались примирить Габсбурга с Генрихом VII, чтобы склонить Англию вступить в антифранцузскую коалицию [10, S. 94]. Решительная позиция Испании повлияла на политику других государств, прежде всего Святого престола, ведь французская интервенция угрожала Александру VI и как Папе, и как сюзерену Неаполитанского королевства. Папский авторитет придал больший стимул переговорам в Венеции, а лига получила название «священной».

Первое время Максимилиан I внешне придерживался статей Сенлиского договора и даже поддерживал контакт с послами короля Франции, маршировавшего между тем через Чивитавеккью на Рим. Понтифик умолял немецкого монарха о помощи, утверждая, что Карл VIII якобы намеревается сместить его с апостолического престола, жаждет заполучить императорскую корону и хочет подмять под себя всю Италию, узурпировав имперские права. Также Милан и Испания неустанно оказывали давление на Максимилиана I. Лодовико Моро писал, что появление Карла VIII в Италии затмило императорский титул [3, p. 118]. Французский король и в самом деле вел себя на полуострове, как будто он являлся преемником Карла Великого. Войдя в Рим, он заставил Папу выдать ему Джема, претендента на турецкий престол. Кроме того, сын понтифика Чезаре Борджа должен был лично сопровождать французам в Неаполь. После того, как Александр VI поддался угрозам и удовлетворил все требования, о созыве собора или о его смещении речь больше не заходила. Однако Максимилиану I приходилось серьезно опасаться за свой императорский титул. И в итоге успешные действия французам заставили его отрядить своих представителей в Венецию, хотя он не испытывал большого желания сидеть за одним переговорным столом с венецианской синьорией в силу многочисленных разногласий между империей и республикой Святого Марка.

Переговоры в Венеции быстро продвигались вперед, чему немало способствовали почти ежедневно прибывавшие сообщения о победах Карла VIII в Южной Италии. 22 февраля 1495 года французам заняли Неаполь. Король Франции более не упоминал крестовый поход против турок, которым он прикрывался до сих пор. Теперь, как подозревали венецианцы, его план состоял в оккупации Папской области, Флоренции и Милана. К тому же французам полностью игнорировали имперские права во Флоренции, Сиене и Пизе.

Французские притязания и военные успехи в Италии всколыхнули всю Европу. Многие государства континента видели единственный выход в скорейшем заключении союза для «спасения папства, защиты Италии и изгнания французам с полуострова», а у венецианцев на душе было, как у римлян после Канн [4, p. 117]. Тем не менее, ведущие участники европейской политики не хотели поступать опрометчиво и вели переговоры крайне медленно. Но в течение марта 1495 года Максимилиан I, Испания, Милан, Венеция и Папа смогли постепенно найти общий язык по вопросу о создании Священной лиги и о подписании соответствующего договора, включая секретные пункты о ведении всеми союзниками тотальной войны против Франции.

Известие о заключении лиги произвело во французском лагере под Неаполем эффект разорвавшейся бомбы. Папа отказался инвестировать Карла VIII Неаполитанским королевством. Вскоре испанцы высадились на Сицилии и в Калабрии, а венецианцы заняли важнейшие приморские города на юге полуострова. Болонья присоединилась к коалиции, в то время как Милан готовился заблокировать проход французской армии через Ломбардию.

Между тем в Вормсе в начале марта 1495 года собрался рейхстаг. Максимилиан I, появившись на нем 18 марта, надеялся после выполнения неотложных дел, максимум через две недели, отправиться с войском в Италию [13, S. 188], чтобы нанести окончательное поражение отступающим французам. Однако король со своими планами и предложениями, продиктованными сложившейся политической ситуацией, не нашел понимания у имперских сословий. Под предлогом необходимости проведения давно назревших имперских реформ, прежде чем может быть санкционирована помощь Италии, сословия упорно затягивали дело, не желая оказывать содействие монарху в итальянском вопросе. К сожалению, германский рейхстаг не обладал политической дальновзоркостью, чтобы воспользоваться благоприятным моментом. Итальянцам была непонятна такая позиция имперских сословий. Еще Энеа Сильвио Пикколomini высмеивал политическую ограниченность немецких князей, считавших, что Германия – это весь мир и что, помимо нее, ничего другого не существует. Немцы потеряли всякий интерес к имперской идее, как она формулировалась во времена Оттонов и Штауфенов. Только собственные владения были дороги князьям и сословиям, а не Италия и не Рим.

Участникам лиги пришлось признать, что немецкие феодалы и города никоим образом не собирались помогать Габсбургу в проведении итальянской кампании и что «французская партия» в рейхстаге препятствует ему исполнять обязательства, вытекавшие из Венецианского договора.

Из Вормса Максимилиан I пристально следил за отступлением французов. Не имея в распоряжении ни достаточного количества войск, ни финансов, он был вынужден довольствоваться наблюдением за развитием событий на расстоянии, давая своим союзникам советы по ведению боевых действий. Блокируя предоставление помощи монарху, Вормсский рейхстаг фактически играл на руку Карлу VIII.

В мае 1495 года французы покинули Неаполь и через Рим двинулись к Сиене. Одновременно, пока войска лиги собирались у апеннинских перевалов, чтобы отрезать французской армии путь к отступлению, герцог Орлеанский нанес из Асти неожиданный удар по Новаре и занял эту стратегически важную крепость неподалеку от Милана [5, p. 610]. В один миг ситуация обострилась. Как бы венецианцы ни хотели избежать открытого столкновения с французами, но это нападение однозначно вынуждало республику Святого Марка оказать союзническую помощь Милану в освобождении Новары. Таким образом, герцогу Орлеанскому удалось сковать у стен этой ломбардской крепости значительные силы лиги. Финальным аккордом итальянской экспедиции Карла VIII стала битва при Фуорнуово 6 июля, когда в короткой стычке французы смогли отбить численно превосходящие силы миланцев и венецианцев и прорвать апеннинскую блокаду.

Отступление войск Карла VIII через Ломбардию подвергало серьезной опасности Милан. Вооруженные силы Лодовико Сфорцы, большая часть которых вместе с венецианцами и немецкими ландскнехтами была занята осадой Новары, в любой момент могли быть атакованы и разбиты французской ратью, усиленной вновь на вербованными швейцарскими наемниками. Но в итоге противники так и не рискнули навязать друг другу генеральное сражение. Скорее, стороны склонялись к компромиссу: Карл VIII опасался за состояние своей уставшей от войны армии, а Моро не мог уклониться от военного прессинга французов. Поэтому Лодовико позволил герцогу Орлеанскому беспрепятственно вывести свой контингент из Новары и согласился начать с французами мирные переговоры в Верчелли [12, S. 584]. Хотя представители империи и Венеции были допущены к переговорному процессу, но статья итогового документа прямо противоречила положениям договора о создании Священной лиги. Миланский герцог оказывать французам помощь в Италии, открыть для них порт Генуи, отказаться от Пизы и выплатить контрибуцию. Кроме того, Милан должен был покинуть Священную лигу, если она развяжет военные действия против Франции. Взамен Карл VIII гарантировал целостность Миланского государства и возвращение Новары.

Говоря по существу, договор, заключенный в Верчелли, фактически означал развал Венецианской священной лиги. Тем не менее, Лодовико Моро старался и в будущем придерживаться союза с Максимилианом I, как показывают его дальнейшие шаги. Соглашение с французами для него было равноценно клочку бумаги, который он мог порвать в любой момент, едва армия Карла VIII отправится восвояси. Чем меньше Сфорца мог надеяться, что французы простят ему его коварство, тем с большим рвением он возвращался к антифранцузской политике лиги. Уже 25 ноября 1495 года – всего лишь месяц спустя после подписания договора в Верчелли – формально было восстановлено полное взаимопонимание между Максимилианом I и Лодовико: глава империи подтвердил правителю Милана ленную грамоту без всяких ограничений [13, S. 191].

Дабы скрыть собственное поражение в Италии, Карл VIII велел распространить слух, что вскоре он с более сильной армией вернется на полуостров. В некоторых городах, в частности, в Остии и Гаэте, оставались французские гарнизоны. Флоренция твердо стояла на стороне Франции. А сам Карл VIII громкими заявлениями и провокационными акциями продолжал держать заальпийские государства в состоянии перманентного напряжения. Всем было понятно, что очередная битва за главенство на полуострове не за горами. В то же время французское вторжение имело необратимые последствия для Италии: была поставлена под удар «система итальянского равновесия» и восстановить ее оказалось уже невозможно. Венецианская священная лига, в свою очередь, показала собственную неэффективность, главными причинами которой явились обструкционистская позиция Вормсского рейхстага, слабость центральной власти в империи и распри в стане союзников.

Список литературы

1. **Bergenroth G.** Calendar of Letters, Despatches and State Papers Relating to the Negotiations between England and Spain. L., 1862.
2. **Buser B.** Die Beziehungen der Mediceer zu Frankreich während der Jahre 1434-1494 in ihrem Zusammenhang mit den allgemeinen Verhältnissen Italiens. Leipzig, 1879.
3. **Calvi F.** Bianca Maria Sforza-Visconti, Regina dei Romani, Imperatrice Germanica, e gli ambasciatori di Lodovico il Moro alla corte Cesarea, second nuovi documenti. Milano, 1888.
4. **Comminynes Ph.** Memoires. Paris, 1925. Vol. 3.
5. **Delaborde H.** L'expédition de Charle VIII en Italie. Histoire diplomatique et militaire. Paris, 1888.
6. **Fueter E.** Geschichte des europäischen Staatensystems von 1492 bis 1559. Berlin - München, 1919.
7. **Lunig J.** Codex Italiae diplomaticus. Frankfurt - Leipzig, 1725.
8. **Schirmacher F.** Geschichte von Spanien. Gotha, 1902. Band 7.
9. **Simon S.** Maximilian I., die Erbländer, das Reich und Europa im Jahre 1494. Graz, 1970.
10. **Trenkler D.** Maximilian I. und seine Beziehungen zu England in den Jahren 1477-1509. Graz, 1973.
11. **Ulmann H.** Kaiser Maximilian I. Auf urkundlicher Grundlage dargestellt. Stuttgart, 1891. Band 1.
12. **Wiesflecker H.** Der Italienzug König Maximilians I. im Jahre 1496 // Carintia I. Geschichtliche und volkskundliche Beiträge zur Heimatkunde Karntens 146. Klagenfurt, 1952. S. 581-619.
13. **Wiesflecker H.** Maximilian I. und die Heilige Liga von Venedig. Graz, 1956.

MARCH OF CHARLES VIII TO ITALY AND ANTI-FRENCH COALITION CREATION

Roman Vital'evich Furtsev, Ph. D. in History
Department of Romance Philology
Moscow State Pedagogical University
marinaio0707@rambler.ru

The author analyzes the initial phase of Italian wars caused by the invasion of French troops to the Apennine Peninsula, which entailed the radical change of political landscape in Italy, and Italian states attempts to create anti-French league to confront the invasion relying on the alliance with the Empire and Spain; and studies in detail the policy of Maximilian I and imperial estates' position on assistance to Italian states.

Key words and phrases: empire; policy; France; Italy; Maximilian I; Italian wars; Holy league; Charles VIII.

УДК 7.01.000.93

Искусствоведение

Цель статьи – показать, как зарождалась и развивалась идея использования машины в художественном творчестве. Связь развития изобразительного искусства и технического прогресса обусловила совокупность рассмотренных в статье тенденций. Эти тенденции в большей или меньшей степени проявляются в современном компьютерном изобразительном искусстве. Предложенный в статье ретроспективный взгляд обогащает наше понимание того, как изобразительное компьютерное искусство стало тем, что оно представляет из себя на сегодняшний день.

Ключевые слова и фразы: технизация творчества; механизация творчества; массовость искусства; анонимность художника; разделение творческой и исполнительской функций; компьютерное искусство.

Дарья Павловна Ханолайнен

Кафедра философии и социально-экономических дисциплин
Карельская государственная педагогическая академия
daryakhanolaynen@gmail.com

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ТЕХНИКИ И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА:
РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД[©]**

Кульминацией многовекового совершенствования орудий труда явилась промышленная революция, которая повлекла за собой механизацию большинства видов производств. Непрерывное усложнение механизмов, неустанные изобретения и эксперименты привели к тому, что машины и механизмы начали проникать в области, ранее свободные от технического развития науки. Всеобщая тенденция технизации не могла не затронуть и сферу художественного творчества. Появление компьютера стало закономерным этапом развития, а последующая компьютеризация – новым витком технизации, вышедшей на качественно новый уровень. В свою очередь искусство испытало сильное воздействие со стороны технического прогресса.

Однако, не забегая вперед, справедливо заметить, что мечты об органичном единении человеческого и машинного волновали многих выдающихся людей разных эпох. Когда же появились реальные возможности воплотить эту мечту, они были встречены разноречивыми откликами. Существовало две противоположных, попеременно преобладающих точки зрения. Странникам первой из них была присуща та или иная степень технофобии; приверженцы второй точки зрения ратовали за прогрессивное развитие техники во всех сферах.

Многие культурные деятели XIX века занимали первую из позиций. Выдающийся английский теоретик искусств, философ и художественный критик, Джон Рёскин был обеспокоен зарождающимися тенденциями, предопределенными техническим прогрессом. Отвергая трафаретность фабричного производства, Д. Рёскин идеализировал самобытное средневековое творчество. По убеждению Д. Рёскина, люди – несовершенные существа и, как следствие, все, что создано ими, неидеально. Однако именно в этой шероховатости кроется истинное очарование и шарм творений человеческой руки. Машинное производство, напротив, лишает искусство каких-либо погрешностей, а значит, отнимает у произведения его эстетическую выразительность. Д. Рёскин полагает, что не стоит увлекаться техникой, дающей лишь точное воспроизведение видимости, надо строить иную форму, чтобы через нее проникнуть в сущность явлений. «Произведение (с точки зрения технического исполнения) может быть и несовершенным, но мысли и чувства, его порождающие и выраженные в нем, должны стать искренними и глубокими» [7, с. 292].

Английский художник и мыслитель Уильям Моррис, продолжатель идей Д. Рёскина, настаивал на необходимости вернуться к ремесленному производству. Он развернул широкую деятельность по индивидуализации художественного творчества, выразив тем самым свой протест против обезличивающей стандартизации.